

SHE26

HEAD OF
STEWARDS SERVICE

Дальневосточная СОТА

SHE26

Дальневосточная СОТА

«Автор»

2026

SHE26

Дальневосточная СОТА / SHE26 — «Автор», 2026

Эта книга о мире, где счастье стало государственной обязанностью, а память — дорогой товар. Технология «отчуждения» позволяет стереть позор или боль утраты. Но потом эти файлы можно купить и использовать как наркотик, проживая чужую влюбленность или что-то похуже. Ваня Бунин — кадет элитной научной роты, но однажды ему придется стать «социальным трупом», спуститься на самое дно Соты — в зловонные цеха рыбных заводов и подпольные лаборатории памяти.

© SHE26, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Задание	8
Глава 2 Цифровая клетка	18
Глава 3 Зброшка	27
Глава 4 Чистое сознание	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

SHE26

Дальневосточная СОТА

Пролог

Звонок из прошлого

Полковник Самохин в полной парадной форме гнал по загородному шоссе на автомобиле неопределенной марки. Стоял яркий солнечный день, дорога шла между огромных лиственных деревьев и плавной дугой уходила за поворот. Педаль газа западала в пол.

Видимость через лобовое стекло постоянно ухудшалась. Он оглянулся по сторонам, через покрытые грязью боковые стекла и зеркало заднего вида, тоже ничего не просматривалось.

Вдруг впереди из кювета на дорогу стал выползать танк. Леопард, определил он. Полковник удивился и почувствовал какую-то опасность, но успел разглядеть мельчайшие детали оснащения и веточки с ядовито красными листьями застрявшие на броне.

Он нажал на педаль тормоза, нога провалилась в пол, машина не хотела замедляться. Видимость совсем пропала. Самохин дернул руль влево и потянул за ручник. Он зажмурился и вжал голову в плечи ожидая удара. Но ничего не происходило. Машина развернулась поперек дороги и встала.

Сзади послышался нетерпеливый сигнал клаксона. Жена Ирина стала трясти его за руку.

— Юра, Юра, ты что ли не слышишь?

— Они что, не видели танк? — подумал Юрий с недоумением и открыл глаза. На тумбочке трезвонил коммуникатор. Он машинально сел на кровати.

— Юра, выключать надо, — проворчала Ирина и отвернулась, натягивая одеяло к подбородку.

На экране светилось время, два часа ночи и мигало: «Инин С»

Полковник сразу вспомнил Сергея. Они дружили в военном училище в молодости. Но потом их распределили в разные города и общение сошло на нет.

Юрий взял телефон с тумбочки, потянул рубашку, она зацепилась за стул и он предательски загрохотал.

Самохин оглянулся на Ирину, выругался себе под нос и пошел в кабинет. Нажал принять вызов.

На экране, на фоне залитого светом окна, появилось испуганное лицо изможденного мужчины. Худой, щеки впали, мешки под глазами. Юрий не сразу узнал друга юности. Он помнил его ироничным задирой.

— Юра, привет. У меня код ноль!

Самохин помнил, что так они в училище называли самые чрезвычайные ситуации. Код ноль как раз придумал первым Сергей. Он тогда на спор разобрал двигатель в автомобиле преподавателя по автоделу за время короткого тридцатиминутного совещания и как наглядное пособие разложил рядом на асфальте.

Началась огромная шумиха, гудела вся Академия, и они между собой называли это код ноль. Шутника тогда так и не нашли, а обозначение инцидента осталось.

Полковник, еще в полусне, думая откуда мог взялся танк, надел рубашку и застегивая ее на груди спросил:

— Сергей, привет. Что случилось?

Инин продолжил срывающимся и испуганным голосом.

— Меня надо забрать отсюда.

— Сергей... Откуда? Ты где? У нас два ночи!

Сергей моргнул, будто только сейчас понял, что звонит на другой край света.

— Точно, у нас же разница... десять часов. Прости. Но я не могу ждать, Юр. Не могу. Сота. Дальневосточная... Рыбная которая Я думал, ты знаешь.

В этот момент изображение зависло, словно кто-то поставил его на паузу. У Юрия на руке мигнула красная полоса на браслете социального индекса. Самохин округлил глаза.

— Только этого не хватало.

Коммуникатор снова ожил, Сергей на экране задвигался.

— Серёж, что происходит? Я ничего не понял.

Сергей оглянулся на окно. Юрий сел в кресло.

— Я давно не звонил, я знаю, я знаю где ты работаешь. Я бы просто так не стал, Юр.

— Ты пил?

— Нет, нет, не в этом дело, не сейчас.

Сергей заговорил быстрее.

— Это лучше не по телефону. Ты же понимаешь, они всё пишут.

Юрий медленно прикрыл глаза.

— Кто такие “они”?

Сергей наклонился ближе, изображение дрогнуло, распалось на пиксели и снова собралось.

— Да я не могу — он глянул куда-то мимо коммуникатора, и лицо у него стало совсем белым.

— Всё, мне надо заканчивать.

Сергей посмотрел прямо в камеру.

— Прости, Юр, за всё прости, если что.

— Сергей!

— Юра, если я потом скажу, что всё хорошо, не верь.

Связь оборвалась, экран потемнел. Несколько секунд Юрий сидел неподвижно, сжимая коммуникатор в руке. Затем нажал повтор вызова, ничего, ещё раз, сеть ответила холодной надписью:

абонент недоступен.

Юрий положил коммуникатор и задумчиво посмотрел на пустой экран, вспоминая Инина. Серёга, друг не разлей вода.

Когда же это было? Двадцать лет назад? Нет, больше, уже почти тридцать. Тридцать лет прошло с их бурной юности.

Юрий открыл служебный сайт ФПИ и ввёл в окне поиска:

Дальневосточная Сота, РЫБНАЯ

Система прокрутила логотип и выдала первые строки.

Дальневосточная Сота — пилотная зона социальной устойчивости.

Индекс конфликтности — в зелёной зоне. Индекс доверия — в зелёной зоне.

— Зеленее зелёного, почти лучший регион в стране, — подумал Самохин.

Сергей Инин

Начальник службы стюардов Дальневосточной Соты Рыбная

Контур сопровождения и безопасности среды

Индекс доверия: 9,74

Юрий мельком глянул на свой значок в углу экрана — его собственный индекс был немного ниже, особенно теперь, после этого звонка.

И главное, Самохин знал, что индекс не может быть выше 9,59. Он сам разрабатывал систему оценки, и они установили в ней стеклянный потолок. Чтобы всегда была недостижимая цель. Что же такого сделал Сергей, раз смог его пробить? И чего теперь так боится?

Стаж в системе Сот: 11 лет

Награды: за внедрение системы социального индекса, за снижение конфликтности в регионе, за внедрение маршрутов сопровождения.

Самохин прочитал это дважды, и сон окончательно прошел.

Глава 1 Задание

Академия ФПИ находилась в подмосковном лесу. Здание основного корпуса в форме традиционного шестиугольника было окружено старым парком. Внутреннее пространство соты вмещало в себя жилые и служебные помещения. На внутренней площади размещался плац для построений, а над ним, под самым куполом, располагались спортивные залы, столовая и огромный конференц-холл.

В парке, по периметру соты, были построены полосы препятствий, площадка для транспортных коптеров и наконец дорожки для бега.

В шесть утра в окна главного корпуса еще горел свет, в парке светили фонари, а московское июньское небо уже белело в лучах утреннего солнца. На гаревых дорожках парка раздавался мерный топот научной роты. Кадет Иван Бунин вместе со всеми бежал свой ежедневный утренний кросс.

Вдох, вдох — выдох. Система мониторинга здоровья ФПИ считывала лактат, ритм сердечных сокращений, насыщение крови кислородом, микросбои дыхания, и всё это в реальном времени летело в «облако».

Если показатели выпадут из диапазона, твой индекс вслед за ними летит в минус.

В таких случаях в Академии у тебя выявят не слабость — временное снижение устойчивости, не страх — перегрузку адаптивного контура, потом тебя ждёт не наказание — коррекция профиля.

Ваня уже привык за три года учёбы. Почти. Сегодня как раз последний день перед каникулами и поэтому бег давался особенно тяжело и лениво.

— Группа, прибавить темп, — скомандовал голос сержанта в наушнике.

— Конечно, товарищ сержант, зачем нас жалеть в последний день? — тяжело дыша пошутил Макс.

— Смотрю, силы есть? Разговорчики, — угрожающе гаркнул сержант, не сдержав улыбки.

Строй ускорился, общий ритм бега стал короче и жёстче. Мышцы ещё чуть налились тяжестью.

— Сейчас прилетит задача, — подумал Ваня.

Это был элемент тренировки, уметь решать задачи в момент экстремального физического напряжения.

— Бунин, — голос инструктора переключился на персональный канал, и прозвучал патологически нежно. — Реши задачу.

Пассажиры в вагоне метро, требуется за пятнадцать секунд вычислить скрытого террориста.

У Вани перед глазами на прозрачном стекле визора пошел видеоряд.

Мозг тормозил. Он всматривался в лица, искал мельчайшие детали. Вот, пассажир в серой куртке. Бунин не смог бы объяснить почему именно он, дождался, пока тот повернет голову, поймал миг и сделал жест выбора. Визор мигнул зеленым.

— Принято, — сказал инструктор.

И всё, никакой похвалы.

Утром полковник Самохин пришел на работу и первым делом по давно заведенной традиции пошел открывать окна на проветривание в своём кабинете. У окна, выходящего в парк, он ненадолго задержался. Там виднелась посадочная площадка коптеров и край полосы препятствий. Чья-то рота уже прыгала через заборы и бежала по бревну.

А у него из головы не выходил ночной звонок старого друга. Серега сильно постарел или так сдал из-за стресса. И еще этот странный уровень индекса.

Надо к Инину кого-то послать, подумал полковник, и вызвал на панель расписание группы А третьего курса. В научной роте после завтрака стояли теоретические занятия, рукопашка в зале единоборств и потом проникновение в закрытые среды. Вот туда можно будет подойти. Как раз будет час перед обедом.

Ваню Бунина он знал давно. Это он его вербовал три года назад, прикованного к постели, под проект Геосферы. Тогда было не представить, как парень быстро встанет на ноги и возмужает.

В секторе татами в воздухе стоял невыветриваемый запах пота от непрерывных тренировок. По стене двигалась проекция строк расписания и случайно вспыхивали цитаты великих воинов.

Сейчас вспыхнуло:

«Внимательно смотри на то, что скрыто, и мельком — на то, что выставлено напоказ». Миямото Мусаси

Курсанты распределились по своим секторам, каждого ждал робот-симулятор для спарринга.

Ваня подошёл вплотную к своей учебной машине. Положил ему руку на плечо и тихо сказал:

— Ну что, шелезяка, сегодня я тебя сделаю!

Его потрепанный Фёдор, как они называли их между собой, выглядел как человек, разве только с десяти шагов, вблизи это был бездушный набор сервоприводов и гибких защитных пластин.

— Режим: прогноз удара, — произнесла система. — Цель: уклонение до начала активной фазы.

Ваня быстро занял позицию. Присел — выпрямился, чуть подтянул штаны на коленях, встал в стойку и поднял руки в защите. Первый выпад пришёл справа. Ваня ушёл на полшага, но датчик на плече пискнул. Касание.

— Медленно, Бунин, — бросил сержант, проходя мимо. — Проактивнее. Не жди.

Ваня выдохнул, стёр пот со лба тыльной стороной ладони.

— Понял, — пробормотал Ваня, и потом добавил. — Я стараюсь.

— Не вижу, — сказал сержант с сарказмом. — Ты реагируешь, а надо — предвидеть.

Робот вернулся в исходное положение, Ваня снова встал в стойку. Их учили: удар рождается не в руке, а в решении. Сначала микроповорот корпуса, потом траектория плеча и только затем движение привода.

Ваня сосредоточил взгляд на центре массы. Выпад. Он ушёл раньше, чем рука робота пошла вперёд.

— Лучше, — сказал сержант.

Из уст сержанта это было почти признание в любви.

Прозвучал гонг окончания урока. Перекур. Уже никто не помнил, что означало это слово, но это было время блаженного безделья после сумасшедшего утра. Ваня упал на мягкие маты, наконец можно было потянуться и ненадолго расслабиться.

— Дышишь, Бунин? — поинтересовался Макс, падая рядом. — Уделал своего Фёдора? Мой меня победил.

Наконец последним занятием перед обедом шла спецподготовка в главном корпусе. После душа все переоделись в повседневную форму. Казалось, этот день не закончится никогда. Занятия проходили в персональных кабинетах на третьем этаже.

В учебном расписании это называлось “агрессивное проникновение в закрытые среды”. На деле, это был банальный взлом.

Ваня сел в кресло-интерфейс. Ладони положил на сенсорную панель. Перед ним в цифровом пространстве прямо на глазах возникла жилая Сота.

Учебный макет: шесть жилых секторов, центральная площадь внутри соты, госпиталь, школьный блок, галереи переходов и наконец технические помещения.

По периметру стояли стены протоколов. Интерфейс нарисовал их так, наверное, чтобы человеческий мозг не плакал от чистой абстракции. Ниже шли уровни доступа, биометрические маркеры, контроль вентиляции, водоснабжения и лифтов.

Ваня начал искать баги среди сервисных программ. На лбу выступила испарина. Лишние миллисекунды в запросах. То, что разработчик ленился досконально прописывать, потому что это слишком скучно.

Система сначала видела его служебной ошибкой, потом — обслуживающим запросом, потом — внутренним процессом.

Ещё немного и он подстроился под ритм обновления вентиляции, вошёл в сервисный контур, поднялся через него в общую таблицу разрешений, и оставил там маленькую правку.

Макет мигнул и признал его своим. На визоре появилась зелёная строка:

ВНУТРЕННИЙ ДОСТУП: ПОДТВЕРЖДЁН

— Есть, — тихо сказал Ваня и наконец улыбнулся.

В этот момент за его спиной с тихим шипением открылась дверь. Ваня не стал оборачиваться.

— Хороший результат, Бунин, — сказал полковник Самохин.

Ваня снял руки с панели. Цифровая Сота перед глазами потускнела, стены протоколов растаяли на экране. Ваня повернулся. Самохин стоял у двери.

— Выходи из системы, — сказал Самохин. — Есть разговор.

Ваня отключил интерфейс, кресло отпустило спину, визор погас. Он встал и поприветствовал полковника по всей форме.

— Здравия желаю, — потом спросил. — Что-то случилось, Юрий Палыч?

Самохин несколько секунд помолчал.

— Такое дело, кадет, старый друг позвонил, — наконец сказал он. — Из Дальневосточной Соты.

Самохин оценивающе посмотрел на Ивана, как бы прикидывая, готов ли он к его поручению. Перед ним стоял крепкий восемнадцатилетний юноша, среднего роста, собранный, с ясным взглядом и упрямой складкой губ.

Свободная форма скрывала спортивную подготовку, Ваня казался обычным юношей, как любой случайный прохожий, — идеальный инструмент для работы под прикрытием.

— Попросил помощь. Потом связь оборвалась. Сейчас сам увидишь.

Ваня подумал про каникулы и хотел спросить, “почему я?”, но по выражению лица полковника понял: сейчас это будет неуместно.

Самохин протянул ему свой коммуникатор.

— Посмотри запись. Пошли ко мне, там поговорим.

На экране застыло лицо незнакомого мужчины с темными мешками под глазами.

Ваня пошел следом за Самохиным, на ходу нажал воспроизведение.

— Юра, — сказал человек с экрана хриплым, срывающимся голосом. — Если я потом скажу, что всё хорошо, не верь.

Ваня стоял на вытяжку в кабинете Самохина перед столом, на котором лежал коммуникатор полковника с застывшим кадром испуганного человека.

— Что думаешь, курсант? — спросил Самохин не оборачиваясь от окна.

Ваня скользнул взглядом вокруг себя, как бы ища поддержки у окружающих его стеллажей с бумажными книгами.

— Истощение. Признаки сильного стресса. Возможно, длительная бессонница. Похоже на паническую реакцию с элементами параноидной фиксации.

Фраза прозвучала как в медицинском учебнике и Ваня добавил.

— Господи, Юрий Палыч... Да он просто до смерти напуган.

Самохин продолжил задумчиво смотреть в окно. Там над посадочной площадкой медленно завис тяжёлый правительственный коптер. Полковник медленно повернулся.

— Я думаю здесь не только это. Точнее не это главное.

Он подошёл к столу, взял коммуникатор, включил звук и коротким касанием отмотал запись назад, на экране снова ожил Сергей Инин. Самохин пересмотрел запись, выключил.

— Что думаешь, если это послание, Бунин? — спросил полковник.

— Думаю надо разбираться.

— Вот это я от тебя и хочу. Садись.

Самохин сел в свое кресло, открыл верхний ящик, достал пластиковую карту-пропуск, потом — запечатанный серый конверт без маркировки и положил на стол.

— Приказать я тебе не могу, но если готов, то, официально отправляешься в Дальневосточную.

Ваня сел к столу и взял карту-пропуск в руки, покрутил ее. Полковник кивнул на пропуск.

— Твоя легенда, полевая практика и все такое. Прочитай в конверте и выучи наизусть.

На поверхности карты светилась надпись: полевой наблюдатель, Академия ФПИ, доступ класса В.

— А в чем гвоздь?

Самохин поднял на него усталый взгляд.

— Встреться с Ининым. Оцени пациента и реши, лечим на месте или эвакуируем.

Самохин послал три электронных билета к Ване на почту.

— Два на тебя. Один на Сергея.

Ваня открыл и прочитал маршрут. Москва — Рыбная Сота. И обратно через шесть часов после прибытия.

За окном по полигону пробежала волна служебных сигналов. Где-то включились ограничители доступа, на дорожках вспыхнули жёлтые линии.

Бунин поднял взгляд.

— Вы думаете опасность реальная?

— Я думаю, что начальник службы стюардов, не стал бы ночью поднимать панику и просить помощи, если бы мог справиться без нас.

— Он их начальник?

Самохин кивнул.

— Начальник. Сопровождение и безопасность среды. По старому — полиция.

Ваня снова посмотрел на лицо Сергея на экране.

— То есть я еду спасать начальника от своих же стюардов?

— Что-то в этом роде.

Ваня хотел ещё что-то спросить, но в этот момент коммуникатор на столе вспыхнул багровым. Даже не красным. Багровым.

Таким цветом в Академии обозначались сигналы высшего уровня: сквозное оповещение по служебному контуру для высшего руководства.

За окном кабинета стих рабочий гул. Академия на секунду задержала дыхание.

На стеллажах с бумажными книгами дрогнули тонкие полосы света, потом по всем каналам, перебивая учебные частоты, пошёл один и тот же сигнал: короткий низкий тон, пауза, снова тон.

На экране коммуникатора появилось лицо, под ним вспыхнула строка:

Василий Степанович Васин

и.о. Главы Центрального Комитета Безопасности Среды

Самохин остался сидеть, но Ваня заметил, что у полковника слегка поникли плечи.

— Внимание всем подразделениям, — произнёс Васин.

Голос был низкий.

— В связи с попыткой дестабилизации и нарушением координации гражданских ведомств вводится режим “Сфера”. До особого распоряжения полномочия по обеспечению безопасности среды, индекса доверия, транспортного доступа и социальной устойчивости передаются **Федеральной программе интеграции**.

Ваня перевёл взгляд на Самохина и прошептал:

— ФПИ?

Васин продолжал:

— Граждане, прошу сохранять спокойствие. Ваши индексы доступа будут пересчитаны автоматически. Наш приоритет — защита населения. Мы начинаем строительство нового порядка, в котором безопасность человека будет гарантирована средой.

На экране возникла заставка с государственной символикой и знаком ФПИ. Потом снова вывели изображение Васина.

— Всем подразделениям ФПИ, перемещения сотрудников подлежат дополнительному согласованию.

Экран погас. Багровый свет исчез. Самохин медленно откинулся на спинку кресла.

— Не думал, что так быстро, — сказал он тихо.

Самохин взглянул на свой служебный браслет, вспыхнувший желтым. Профиль требует согласования перемещений. Полковник усмехнулся. Ваня посмотрел на свой. Пока чисто, зеленая полоса.

— Юрий Палыч? А что теперь с миссией? — спросил Ваня.

— У тебя окно. Часа три, пока система перейдет на новые протоколы.

Полковник открыл нижний ящик стола, достал небольшой металлический жетон на цепочке и несколько секунд держал его в ладони, потом протянул Ване.

— Это Сергея. Когда-то мы условились, что это — сигнал абсолютного доверия.

Ваня встал, взял потерянный жетон, с почти стертой гравировкой ещё тёплый от руки Самохина.

— Если он его не узнает, бежишь, — жестко сказал Самохин.

— Товарищ полковник

— Это приказ, Бунин.

Ваня медленно кивнул.

— Понял.

— Ни черта ты не понял, главное запомни. Иди.

Ваня надел жетон, спрятал его под одежду, положил в нагрудный карман пропуск, взял в руку конверт и напоследок быстро посмотрев на полковника, вышел из кабинета.

Конец плана

Над головой звякнул зуммер, и зажглись белые табло: «*Пристегните ремни*». Ваня облегченно заерзал на своем месте и стал складывать содержимое серого конверта на место. Легенду он выучил. Командир лайнера объявил, что они готовятся к посадке.

Перед глазами на экране закрутилась голографическая реклама «Казанских авиалиний», на ней красовалась верхняя палуба, вся залитая светом, люющим сквозь панорамную крышу, бар и расслабленные пассажиры, лениво потягивающие витаминные коктейли.

Для пассажиров нижней палубы это выглядело скорее как издевка. Ваня весь полет просидел, зажатый в узком кресле между двумя хмурыми дальневосточниками, которые не желали ни познакомиться, ни просто поговорить.

Четыре с половиной часа перелета превратились в пытку. Не выручал даже встроенный в спинку массажер, массировать хотелось совсем другое место.

Из плюсов — в Москве за стенами их Академии о багровом сигнале и экстренном заявлении Васина словно никто и не слышал. Мегapolis продолжал жить своей привычной, размеренной жизнью.

Во Внуково, у терминала автоматической регистрации, Ванин билет мгновенно связался с электронной картой командировки. Датчик на турникете мигнул приветственным зеленым огоньком и пожелал счастливого пути. Ваня надеялся, что так же будет и по прилету.

После приземления Бунин спокойно дождался, пока экипаж даст разрешение на выход пассажирам нижней палубы, впереди еще час на гиперлупе до Рыбной. После тесного места в самолете время в гиперлупе пролетело незаметно, несмотря на то что почти все места в капсуле были заняты.

Терминал Дальневосточной Рыбной, куда прибыл гиперлуп, был похож на огромный стеклянный пузырь. Ваня невольно засмотрелся на бухту порта. Ему понравилось, как в утренней дымке смешно шевелились портовые краны, загружая корабли, казавшиеся отсюда совсем игрушечными. Вдали серое море сливалось с низким небом.

С другой стороны были видны сами Соты, уходящие вверх от самого края берега ярусами белых жилых фасадов, встроенных в сопку. Среди них висели белые геодезические купола. Всё выглядело чистым, выверенным и очень красивым. Если смотреть издалека, Рыбная была идеальной рекламой нового мира: море, автономная среда, люди под защитой системы. И только одна прибрежная сота среди всей этой красоты резала глаз своими потемневшими стенами.

Из бухты тянуло соленым морским воздухом, он садился на губы, смешивался с едким запахом костной муки, влажного металла и водорослей. Если Москва пахла старым камнем и властью, то Рыбная — морем и переработкой. Похоже, здесь все что-то перерабатывали, кто воздух и воду, кто рыбу, а кто и людей.

Ваня остановился, достал коммуникатор, чтобы посмотреть маршрут и сделать фото.

— Курсант Бунин? — мягко спросил кто-то рядом.

Он повернулся. Перед ним, в форме стюардессы цвета лазурного моря, стояла молодая женщина, на груди — эмблема Рыбной Соты: шестиугольник, волна и стилизованная ладонь.

— Да.

Она холодно улыбнулась.

— Добро пожаловать в Рыбную Соту. Я Мария, ваша служба сопровождения. Цель визита: полевая практика Всё правильно? Ваш временный профиль и допуск одобрены.

Сказала она буднично, не дожидаясь ответа, и добавила:

— Начальник службы стюардов ожидает вас в административном секторе. Я провожу.

— Инин? Сергей Петрович?

— Верно. Сергей Петрович лично подтвердил встречу.

Ваня почувствовал под воротом, как цепочка старого жетона Самохина холодит шею и подумал: — *Похоже, миссия пройдет легче, чем я рассчитывал.*

— Следуйте за мной.

Мария повернула в боковой служебный проход, они прошли по светлому коридору и зашли в кабину горизонтального лифта. Вышли на площади. Кругом неспешно прогуливались люди.

— Почти пришли, нам надо вон в тот административный блок, — сказала Мария.

Вдруг сзади раздался плач ребенка. Ваня обернулся и от неожиданности остановился. Он увидел недалеко женщину с маленьким мальчиком лет пяти, которая стояла у аппарата, похожего на старинный банкомат. Малыш был весь в слезах и что-то быстро говорил, громко всхлипывая. Женщина приложила ладонь к его затылку и прижала лбом к терминалу, аппарат мягко засветился.

— Что это? — спросил Ваня.

Стюардесса повернула голову.

— Это? Станция эмоциональной разгрузки.

Ответила она не задумываясь. Ваня снова посмотрел на ребёнка, тот замолчал. Лицо ребёнка стало спокойным, женщина улыбнулась, взяла его за руку, и они куда-то торопливо зашагали.

— Скоро все узнаете. Пойдемте, — добавила Мария все с той же холодной улыбкой, с которой встретила его в терминале.

Они пересекли площадь и вошли в административную секцию. На входе турникеты автоматически считали их профиль и мигнули зелеными огоньками.

Офис начальника службы стюардов находился на верхнем ярусе. Зайдя в лифт, стюардесса нажала кнопку, на табло бесшумно промелькнули номера этажей.

Двери открылись, перед ними был холл, похожий на уютный зимний сад. Прямо напротив, на стене, рядом с раздвижными дверями была табличка. Инин С.П. Лаконично. Без должностей и регалий.

— Сергей Петрович ждёт вас, — сказала стюардесса, посмотрев уведомление на своем коммуникаторе.

В этот момент двери разошлись в стороны, и Ваня прямо перед собой увидел Инина.

— Курсант Бунин! — голос ударил по ушам раньше, чем Ваня успел сделать шаг. — Проходите, дружище, проходите!

Ваня от неожиданности замер, перед ним стоял совсем другой Сергей Инин.

На записи Самохина это был серый человек с проваленными глазами и голосом, срывающимся на каждом втором слове. Человек, звонивший изнутри страха.

Здесь же стоял широкоплечий мужчина лет пятидесяти с густыми, аккуратно зачесанными волосами. На нем была светлая форменная рубашка. На груди — бейдж: Сергей Инин, начальник службы стюардов. На рукаве — эмблема Рыбной.

— Здравия желаю, Сергей Петрович, — начал Ваня.

Инин махнул рукой.

— Бросьте эти формальности, Иван. Здесь не казарма. Здесь, на секундочку, передовая социальной устойчивости.

Он поздоровался. Рукопожатие было достаточно сильным, чтобы показать расположение и достаточно коротким, чтобы не стать навязчивым.

Ваня посмотрел ему в глаза. Сергей Петрович спросил:

— Практика по индексам? — широко улыбнулся. — Прекрасно, просто прекрасно. Нам не помешает свежий взгляд. Сейчас-то у нас красивая статистика. А вот раньше было

Он снова махнул рукой. При этом его голос звучал уверенно и с лёгкой хозяйской хрипотцой.

Сергей Петрович мягко взял Ваню за предплечье и повернул его к огромному окну во всю стену.

— Сначала посмотрите, ради чего мы здесь работаем.

Прикосновение было дружелюбным и одновременно абсолютно управляющим. Они подошли к панорамному окну. За ним виднелся берег и тянулись ряды рыбоводных танков: огромные круглые чаши, подсвеченные снизу голубым светом.

— Видите рыбные танки? — спросил Инин. — Раньше этот берег был самым тяжёлым сектором региона. Старые промзоны, черные артели, криминал. Чего тут только не было: и бытовое насилие, и криминальные общаги, и вообще, дети ходили без маршрутов. Больно вспоминать.

Он, казалось, говорил с искренним чувством, но Ваня слушал с недоверием. Перед глазами стоял тот Инин, с коммуникатора Самохина.

Вдали по мосту между корпусами шли дети в одинаковых куртках. Рядом с ними двигался стюард. И среди этой красоты Ваня снова увидел режущую глаз темную соту с пустыми глазницами окон и осыпающимися стенами.

— А это что?

— Общежитие. Заброшка, — отмахнулся Инин и продолжил. — А теперь? У нас конфликтность ниже всех. Маршруты. Поддержка семей. Понимаете? Люди перестали бояться.

На лице Сергея появилась тень.

— Хотя страх, Иван, конечно важен как сигнал, — сказал он. — Но жить внутри страха нельзя. Теперь, благодаря нам, среда помогает отличать реальную угрозу от избыточного стресса.

Ваня почувствовал, как жетон под воротом снова коснулся кожи. Он медленно расстегнул пуговицу и сунул руку под китель.

— Вообще-то у меня для вас от Юрия Павловича. Самохина.

Ваня не успел договорить. Инин просиял ещё сильнее.

— Юра? Старик Юрка! Как он там?

Бунин сомкнул жетон в руке.

— Он очень беспокоился после вашего ночного звонка, — сказал Ваня.

Инин чуть нахмурился. В первый раз за всю встречу его лицо перестало сиять. Лоб собрался морщинами, взгляд ушёл в сторону.

Ваня задержал дыхание. Секунда. Вторая. Потом Инин коротко рассмеялся.

— Ах, это.

Смех прозвучал естественно.

— Ваня, простите великодушно. У нас была сложная неделя, ночные видеоконференции с Москвой, они запрашивали протоколы, сами понимаете. Я, кажется, набрал Юру в полусне. Какая-то нелепая шутка подсознания. Переутомление. Бывает.

— Вы просили его приехать.

— Ну вот, видите, как меня зацепило.

Он коснулся браслета на запястье. Над кожей вспыхнула голограмма профиля.

Индекс доверия: 9.85

Стабильность: 99%

Конфликтная фиксация: отсутствует. Эмоциональная турбулентность: в норме. Рекомендации: нет

Цифры повисели в воздухе между ними.

— Видите? — Инин развел руками. — Сейчас я чист как стекло. Система бы не допустила меня к службе. Особенно сейчас, когда в Москве Мы все же пилотный проект.

Он на секунду замолчал и добавил:

— У меня все хорошо!

Ваня на секунду задумался, может Самохин прав и эта фраза сигнал? Но о чем? Это значит достать жетон или придержать его? В этот момент тихо разъехались двери кабинета, и в комнату начали заходить люди. Ваня посмотрел в их сторону. Сергей Петрович взглянул на настенные часы:

— Заболтались мы с тобой, плановое совещание!

Входящие вежливо здоровались, с интересом разглядывая нового человека, аккуратно занимали свои места вокруг стола и активировали прозрачные планшеты.

Это были руководители местных секторов — все в отглаженной лазурной форме и с безмятежными улыбками на лицах.

— Сфера, Ваня. Вы же слышали обращение Васина? Исторический момент. Наконец-то локальные среды начнут работать в общей архитектуре. Никакой региональной самодетельности, никакой лишней тревоги. Сильная страна — это синхронизация всех сред.

Непоказанный жетон так и застрял в ладони. Ваня еще мог прямо сейчас положить его на стол. Мог заставить Сергея посмотреть. И вдруг понял: момент упущен, а Инин всё сделал, чтобы этого не случилось.

Сергей Петрович вернулся к столу, взял прозрачный планшет и отправил Ване на браслет пакет доступа.

— Я назначу вам сопровождающего. Пусть снова будет Мария. Как она вам?

И не дожидаясь ответа добавил:

— Заселяйтесь в общежитие. Сегодня вы отдохнете. Акклиматизация — важная часть любой полевой практики. Потом посмотрите образовательный сектор, семейные маршруты, терминалы восстановления, рыбоводный комплекс.

За стеклом бесконечно двигалась вода в рыбоводных танках. Инин подошел и на прощание хлопнул Ваню по плечу. Опять тепло, уверенно, почти по-дружески.

— Свободны, курсант. Наслаждайтесь Сотой.

Дверь открылась. Ваня вышел и недоуменно уставился на Марию. Он не мог себе простить, что так и не достал жетон. Засмотрелся на танки с рыбой и заслушался чушью про передовой опыт.

Мария посмотрела новые вводные, вспыхнувшие на её браслете, и подняла глаза на Ивана.

— Я провожу вас в общежитие, а завтра заеду для сопровождения по городу.

— Это случайно не то общежитие? — Ваня со скептической улыбкой кивнул на окно, за которым в серой дымке бухты сиротливо виднелась заброшка.

— Нет, что вы. Это старое, рабочих рыбного завода. У нас хорошее. Вам понравится, — сказала она совершенно серьезно, не снимая свою холодную улыбку с лица.

Общежитие находилось в этой же соте, буквально через площадь. Они шли молча, и Ваня чувствовал, как на него давит этот чистый, выметенный до блеска город.

Бунин перед входом в блок остановился и на прощание протянул руку Марии, пытаясь напоследок вернуть общению дружелюбный тон:

— Ну всё, спасибо. Вы же не пойдете провожать меня до комнаты?

— Ну всё, пожалуйста. До комнаты не пойду. Просто зайдите внутрь. У вас нет допуска для передвижения без сопровождения, — ответила Мария, спрятав руки за спиной, не переставая холодно улыбаться.

Ваня так же холодно улыбнулся в ответ, повернулся и зашел в общежитие. Когда за ним захлопнулась дверь, Бунин обернулся на нее, осмотрел массивный замок, который запирает вход одним движением электронного ригеля, и глубоко вздохнул.

Уже внутри автоматический терминал на ресепшене беззвучно выдал ему пластиковый ключ-карту. Ваня поднялся на свой этаж, нашел нужную комнату и вошел.

Келья три на три метра с небольшим санузелом. Кровать, встроенный стол, глухое окно, за которым расстилалось море.

Он сел на жесткий матрас, не снимая куртки, достал коммуникатор, нашел вкладку с электронными билетами, купленными Самохиным. Он еще успевал обратно в Москву — в понятную Академию, к своему ворчливому сержанту. Ваня подавил минутную слабость, задумался и нажал кнопку «Отмена». Экран мигнул, аннулируя обратный вылет.

Это был путь эвакуации Инина, он не сработал. Жетон не показан. Что означает фраза “Со мной все хорошо” неясно. Может Инин подает сигнал, а в кабинете показать жетон было нельзя из-за камер? Надо разобраться. Что же, завтра нужен новый план.

Глава 2 Цифровая клетка

Ваня с трудом проснулся от бесцеремонного грохота в дверь. Мозг никак не хотел включаться, сказывались вчерашний бесконечный день и разница часовых поясов. Бунин на автомате добрал до входа.

В коридоре раздался чей-то смех и удаляющиеся шаги. Смотреть в глазок не хотелось, он никого не ждал, поэтому развернулся и пошел в санузел смывать остатки сна.

Ледяная вода обожгла лицо, наконец удалось немного прийти в себя. Когда он вышел обратно в комнату, замок входной двери сухо клацнул. Ваня едва успел сдернуть с кровати полотенце и прикрыться — дверь распахнулась.

В дверь вкатился робот-уборщик. Машина глупо моргала цифровыми глазами на экране, которые через секунду сменились бегущей строкой: «Доброе утро». Словно извиняясь за беспардонность, механизм плавно пяясь покинул келью и закрыл за собой дверь.

Ваня взял со стола коммуникатор. Экран тут же осчастливил его уведомлениями: три пропущенных и целая пачка сообщений.

«Потеряли», — устало резюмировал он утреннии странности.

Сообщения от Марии, помимо дежурных шаблонных приветствий, содержали поминутный график, время работы буфета и кучу спама в виде выдержек из местных правил.

«Идеально. Только плана по спасению Инина и не хватает», — усмехнулся Ваня, и бросил телефон на кровать.

Судя по времени, завтрак подходил к концу. Но Мария должна была подойти только после его ответного сообщения, так что Бунин решил не спешить.

Столовая занимала почти весь третий этаж — огромный, залитый светом зал со шведским столом. И ни одной живой души. Между рядами мармитов и уютных столиков бесшумно сновали сервисные дроны, проверяя уровень наполненности блюд и полируя и без того чистые поверхности.

Аппетита не было, Ваня быстро перекусил и вышел осмотреться на открытую террасу. Внизу открывался вид на площадь. Но это была другая, не та, где они вчера прощались с Марией.

«Площадь примыкающей соты», — вспомнил он архитектуру города.

Вчера вечером Ваня исследовал каждый доступный закуток здания и изучил карту. В Академии их научили: здания проектируют гражданские инженеры, а системы охраны на них навешивают безопасники. Поскольку это две абсолютно разные ветви человечества, на стыке их логики всегда найдутся слепые зоны.

Бунин заглянул в доступные помещения, изучил марку замков, а вернувшись в комнату, аккуратно прощупал локальную сеть общежития. Ломать ничего не стал — лишние следы в системе сейчас были равны самоубийству, только почистил за собой камеры и нащупал уязвимости.

Замок дверей главного входа можно было обмануть — заставить систему поверить, будто в здание просится ночной курьер. Лазейка не была гениальной, но все-же это рабочий вариант. Путь к отступлению на случай экстренной эвакуации.

После завтрака Ваня в приподнятом настроении почти вприпрыжку выбежал на улицу. Напротив входа стояла Мария, со своей вчерашней улыбкой, казалось она никуда и не уходила.

— Доброе утро, Бунин, — поприветствовала она. — Согласно графику, у нас образовательный центр. Он буквально в пяти минутах.

Ваня остановился рядом, засунул руки в карманы брюк и весело прищурился, решив немного прощупать границы:

— Слушайте, Маш А разве я не могу самостоятельно выбирать маршрут? У меня ведь здесь полевая практика, а не экскурсия.

Он максимально дружелюбно улыбнулся. Мария никак не отреагировала, хотя в глубине холодных глаз промелькнуло что-то похожее на снисхождение к глупому ребенку.

— Конечно, вы имеете на это полное право, — мягко ответила стюардесса. — Вам просто надо составить желаемый маршрутный лист и отправить его на согласование.

— Так давайте сделаем? — Ваня поднял бровь.

— Обычно ответ занимают не более трех рабочих дней, — Мария сделала едва заметный приглашающий жест рукой в сторону. — А пока гостевой ознакомительный маршрут. Идемте?

Ваня мысленно чертыхнулся. «Три дня».

— Идемте, — Бунин кисло улыбнулся, и сделал шаг вперед. — Ведите в ваш центр. Посмотрим, как вы тут воспитываете.

Образовательный центр и вправду был совсем рядом, буквально в одном переходе, в соседней соте. Огромный комплекс из металла, дерева и гнутого стекла производил впечатление идеального улья. Казалось, здесь учатся все дети города. Ваня вышел на площадь и посмотрел по сторонам. Сектора соты были разного цвета, над головой были ярусы террас и дворики.

Рядом Мария стала объяснять местное устройство. Школа была разбита на уровни. Младшие группы, вплоть до четвертого класса, воспитывали живые люди — педагоги контроля начальной адаптации.

А вот дальше, с пятого, человеческий фактор безжалостно исключался — учебным процессом заправлял персональный ИИ-ассистент.

Детей распределяли по классам, классы объединялись в профильные секции, а те, в свою очередь, формировали глобальные фракции.

У каждой группы была своя форма. Дети в серых, бордовых и зеленых футболках с эмблемами фракций передвигались по зданию строго в границах своих секций, словно послушные муравьи.

На улице с подростками работали воспитатели по социализации, но, судя по их лазурной форме, отвечали они не столько за игры, сколько за «безопасность и координацию маршрутов».

— А как же вы поддерживаете дисциплину? — Ваня остановился, глядя на чинно прогуливающих школьников. На его памяти обычные тринадцатилетние пацаны должны были орать и носиться. — Ну, чисто технически... Пятиклассники у вас что, вообще не разносят кабинеты? На переменах на головах никто не стоит?

Мария повернулась к Ивану.

— В нашей среде деструктивное поведение исключено на ранних стадиях, — она спокойно смотрела на него, чуть наклонив голову. — В случае проявления признаков агрессии, ребенку проводят процедуру эмоциональной коррекции.

В ее прозрачных серых глазах читалась холодная уверенность в правоте системы.

— Негативные поведенческие паттерны не накапливаются в структуре личности. Среда их гасит.

— Коррекция? — у Бунина непроизвольно дрогнул голос. — Как вчера? На площади? С тем мальчиком у аппарата?

Мария не ответила. Она лишь сделала едва заметный кивок в сторону дверей, ведущих в секцию:

— Пройдемте дальше. Сами увидите.

После осмотра школы они вышли из общеобразовательной соты. На выходе датчики контроля тихо пискнули, зафиксировав их уход. Мария остановилась у края площади, как бы давая Ване возможность перевести дух и настроиться на следующую точку маршрута.

Прохладный ветер с бухты зашелестел листвой. Мария повернулась к кадету, заложила руки за спину и посмотрела на него со своей обычной улыбкой.

— Если бы мы с вами, Бунин, были семьей — что, понятно, невозможно, — то я ходила бы на работу в службу стюардов, а вы — на рыбный завод. Нам бы согласовали расписание: походы в магазин, визиты в медицинский сектор и прогулки с ребенком. Вот это у нас и называется семейными маршрутами.

Ваня на секунду опешил.

— И почему это, Мария, вы работали бы в службе стюардов, а я — на рыбзаводе?

— Потому что вы не понимаете ценности правил, — ответила стюардесса не задумываясь.

Ее голос оставался по-прежнему мягким, но в нем проступили менторские нотки. Она подошла к нему на шаг ближе, и ее серые глаза заглянули Ване прямо в душу.

— С таким отношением к правилам ваш индекс через три дня поедет вниз. Система зафиксирует ментальную турбулентность. А с низким рейтингом вас в Соте никуда, кроме как на рыбзавод не возьмут. Там когнитивная устойчивость не требуется, только физический труд.

Ваня почувствовал, как внутри закипает раздражение, но заставил себя промолчать. Мария отметила это, расценив как смирение и пошла в сторону побережья:

— Ну а теперь пойдете к рыбоводному комплексу. Протестируем. Кто знает, — ее голос стал как будто язвительнее, — вдруг вам потом пригодится?

Когда они спустились к побережью, Ваня с трудом подавил вздох разочарования. Перед ними простирались бесконечные ряды рыбоводных танков. Бунин медленно обвел их взглядом, а затем посмотрел вдаль — сначала на холодное свинцовое море, а затем на возвышающуюся чуть в стороне потемневшую соту с пустыми окнами.

— Ну и зачем мы сюда пришли? — Ваня повернулся к Марии. — Тут же решительно ничего не происходит. Ну, плавают рыба. И что?

Словно в ответ на его слова, где-то внизу сухо щелкнуло реле. Автоматический кормораздатчик с шипением впрыснул в чашу порцию питательной смеси. Вода в резервуаре мгновенно забурлила, вскипая от сотен серебристых спин. Сбоку с глухим гулом включилась принудительная аэрация, насыщая танк миллионами белых пузырьков.

— Всё полностью автоматизировано? — уточнил он.

— Разумеется, — кивнула Мария. — Здесь мы демонстрируем не сам технологический процесс, а экономическое сердце нашего города. Продукция этой фермы идет на экспорт более чем в тридцать стран мира. Именно это позволяет нам поддерживать исключительно высокий уровень социальной среды.

Ваня слушал ее вполборота. Его взгляд снова упрямо пополз вверх — к темной соте. В ней определенно что-то происходило. Он отчетливо разглядел крошечные фигурки людей. Они хаотично, быстро перемещались.

— Что там происходит? — Ваня резко вытянул руку, указывая пальцем на заброшку.

Мария даже не повернула головы в сторону полуразрушенного здания. Она сделала шаг, встав между Ваней и сотой.

— Иван, вам нужно научиться смотреть в правильную сторону, — с грустью сказала она. — У вас по этой ферме есть еще какие-то вопросы?

— По этой? — Ваня заставил себя расслабить плечи и отступить на полшага. — Нет. Что тут спрашивать, всё понятно.

Он отвернулся к морю.

— Послушайте, Маш... Погода отличная. Может, искупаемся? Мы же вроде бы успеваем по вашему поминутному графику?

— Бунин, — Мария строго посмотрела на него, и ее брови мило сошлись у переносицы. — Подобные действия не предусмотрены нашей программой. И береговая линия здесь не обо-

рудована. Если захотите искупаться, закажите ваучер через турбюро. Они сами сопроводят вас в разрешенную локацию и оформят все допуски.

Ваня горько, без намёка на улыбку, покачал головой.

— Мария, как же вы здесь живете? А как же полет души? Спонтанные поступки?

— Вы скоро всё поймете. Не забывайте, мы — пилотная сота, — произнесла она многозначительно. — Если здесь вопросов нет, идемте дальше, в Центр эмоционального восстановления.

Центр эмоционального восстановления изнутри напоминал до боли знакомый московский МФЦ.

Тот же просторный вестибюль, терминал электронной очереди на входе, вот только вместо привычных открытых кабинок с приветливыми девушками-операторами вдоль дальней стены тянулся ряд странных терминалов. Точно таких же автоматов, у одного из которых вчера на площади плакал пятилетний ребенок.

В глубине зала лестница на второй этаж. Напротив терминалов располагалось панорамное окно, вдоль которого тянулась цепочка мест для ожидания. В низеньких полукреслах сидели всего два человека. Они грустно смотрели перед собой, безмолвно дожидаясь, пока на табло загорятся их номера.

Ваня смотрел на этих грустных людей и на аппараты и не находил в себе ответа, хорошо это или плохо.

За спиной раздался звук открываемой двери и послышалась возня. Двери-слайдеры, дважды дернулись и застыли в открытом положении, пропуская внутрь людей. Два стюарда в лазурной форме бесцеремонно втолкнули в вестибюль мужчину неопределенного возраста с серым от копоти лицом и растрепанную рыжую девушку. На обоих были грязные рабочие робы.

Ваню обдало удушливой волной застарелого пота.

— С облавы! В заброшенной соте прятались! — радостно объявил один из стюардов. Заметив Марию, он вытер пот со лба. — Куда их мне?

Ваня с легкой, колючей усмешкой повернулся к Марии. Он молча наслаждался моментом. Идеальный фасад «пилотной соты» раскололся от грубого столкновения с реальностью.

Мария проггла стюарда взглядом. На ее бледных щеках выступили едва заметные красные пятна. Потребовалась секунда, чтобы ее голос снова обрел привычную уверенность.

— Действуйте по протоколу.

— Ну ладно, ладно... Сразу, — буркнул конвоир. — Наверху спрошу.

Он круто развернулся и быстро взбежал по лестнице на второй этаж. Люди с номерками встали и пяясь вышли на улицу.

Мария, проводив стюарда тяжелым взглядом, обратилась к Ване. Ее пальцы нервно стучали по сенсорной панели на запястье.

— Мне надо сделать служебный звонок, — не терпящим возражений тоном произнесла она. — Ждите здесь.

Она тоже вышла на улицу. Оставшийся в холле стюард с брезгливой миной на лице указал пленникам на полукресла.

— Сели, — скомандовал он и встал рядом, заложив руки за спину.

Ваня отошел в сторону и стал с интересом разглядывать задержанных. Мужчина со впалыми щеками растерянно оглядывался по сторонам, то и дело сжимая и разжимая кулаки. Рыжая девушка затравленно посмотрела на Ваню.

Она встретилась взглядом с Буниным. Расширила глаза. Медленно подняла правую ладонь, прижала большой палец к ладони и несколько раз накрыла его остальными.

«Помогите». Ваня считал сигнал, вздохнул и, напустив на себя вид недалекого стажера, неспеша полез в нагрудный карман. Достал пропуск ФПИ с допуском и уверенно шагнул навстречу конвоиру.

— Простите, коллега, — мягко обратился Ваня, демонстрируя карточку. — Разрешите задать вам несколько вопросов? В рамках ознакомительной практики.

Стюард вздрогнул от неожиданности. С явным недоверием принялся изучать пропуск ФПИ, переводя взгляд со светящихся букв на Ванино юношеское лицо.

— Практикант из Москвы, что ли? — парень расслабился и даже попытался изобразить подобие вежливой улыбки. — Ну давай, спрашивай. Чего тебя интересует?

— Как вы лично оцениваете эффективность системы эмоциональной коррекции в полевых условиях? — Ваня заговорил нарочито громко.

Пока стюард важно надувал щеки и подбирал умные слова, Ваня краем глаза заметил, как рыжая девушка, словно тень, соскользнула с мягкого кресла и выскользнула на улицу.

Через секунду она прошла за панорамным окном, смешно растопырив руки и быстро семеня, припадая на обе ноги. Ваня не выдержал и прыснул со смеху.

Стюард осекся на полуслове, затем резко обернулся к окну.

— Ах ты!.. — гаркнул он, срываясь с места.

Он сделал три стремительных шага к выходу, и резко затормозил, едва не поскользнувшись. Растерянно оглянулся назад на второго подопечного и вернулся.

Со второго этажа спустился старший. Сделав пару шагов, он замер, уставившись на пустое полукресло, где еще минуту назад сидела девчонка.

Молодой стюард виновато шмыгнул носом и развел руками, пряча глаза:

— Отвлекся на стажера...

— Черт! — старший со злостью грохнул кулаком по пластиковой панели терминала. — Суй тогда этого по жесткому варианту!

Чумазый мужчина испуганно вжался в спинку кресла и запричитал, переводя умоляющий взгляд с одного лазурного мундира на другой:

— Да вы что, мужики? Меня-то за что? Я же ничего... Я просто...

Но его уже никто не слушал. Стюарды отработанным движением подхватили мужчину под руки и подтащили к белому терминалу.

Они с силой прижали его лоб к матовому стеклу сканера. Старший вдавил кнопку.

Терминал озарился ядовито-белым светом. Прошла секунда, и его тело обмякло в руках конвоиров. Глаза стали пустыми и абсолютно безмятежными.

— Забирай его в реабилитацию, — тяжело дыша, скомандовал старший, брезгливо отпуская рукав задержанного. — А я сейчас с этой... поговорю снаружи и догоню тебя.

Двери-слайдеры с тихим шипением разъехались, и оба стюарда, увлекая за собой покорно переставляющего ноги бедолагу, вышли на улицу.

Ваня остался один. Бунин не стал терять время. Подошел к аппарату эмоциональной коррекции, на ходу активируя свой коммуникатор. Пальцы легли на сенсорную панель терминала. Ваня вошел в систему под видом сервисного инженера.

Снаружи послышался шум дверей. Ваня закончил сессию, вышел из системы и, пряча коммуникатор в карман, сделал несколько шагов в сторону, приняв позу скучающего туриста.

В зал зашла Мария. Ее лицо казалось бледнее обычного. Она остановилась и долго смотрела на него в упор.

— Доиграешься, кадет... до нулевой соты, — зло процедила она сквозь зубы. — Пошли в общежитие.

Она круто развернулась и бросила на ходу.

— Приказ Инина. Он сам скажет, что дальше.

Едва двери общежития закрылись за Иваном, Мария нервно набрала на коммуникаторе вызов. Инин. Он сбросил и прислал короткое: «*Перезвоню*».

Мария выдохнула, медленно пересекла площадь и села на ближайшую скамеечку. Ей нужно было успокоиться. Срочно.

Она снова открыла коммуникатор и зашла в раздел «Мой день», на экране вышла статистика. Мария пролистала вкладку количество шагов, заглянула в график уровня стресса и, наконец, вывела свой социальный индекс.

Линия графика, до этого идеально ровная и зеленая вильнула вниз.

Этот столичный кадет вывел ее из себя, она сорвалась. В конце встречи она нарушила протокол и перешла на «ты», это было непрофессионально. Браслет зафиксировал повышенный уровень стресса. Иван раздражал ее каждой своей ухмылкой, каждым подковыристым вопросом.

И вот результат — из-за него снизился её личный индекс. В душе у Марии поднялась глухая волна обиды, это было несправедливо. Правила нарушал и провоцировал он, а расплачиваться приходилось ей.

На экране вспыхнул вызов Инина. Мария мгновенно выпрямилась, коснулась сенсора и прижала динамик к уху.

— Ну, как там у вас с практикантом? — бодро спросил он.

— Катастрофа, Сергей Петрович. Одна сплошная катастрофа, — Мария даже не пыталась скрыть дрожь в голосе. — Он не похож на практиканта. Явный кандидат на принудительную коррекцию.

— Ну-ну, не горячись, Маша. Он же еще молодой, — все так же весело отозвался Инин. — Что конкретно он там натворил?

— Сергей Петрович, даже если отбросить мою личную оценку, — Мария пересела на край скамьи, понизив голос до шепота. — Он ночью залез в локальную сеть общежития. Был сигнал от системы. А полчаса назад он фактически помог сбежать задержанной. По регламенту это немедленная коррекция профиля. Вы же сами знаете.

На том конце провода воцарилась тишина.

— Алло? Сергей Петрович, вы на связи?

— Да, да, я здесь. Думаю, — голос Инина изменился. — Ты же знаешь правила, Маша. Первые три дня — гостевой ознакомительный период. Нельзя применять коррекцию без согласования с Москвой. Но то, что залез в систему это перебор.

Инин снова сделал паузу, Мария слышала только его дыхание.

— Давай так, — наконец продолжил он. — Тебя снимаем с этого маршрута. В обед я сам зайду к нему в общежитие и поговорю. Отбой.

В трубке пошли гудки. Мария в коммуникаторе поставила завершение маршрута, встала и отправилась в офис стюардов.

Бунин сидел в столовой на третьем этаже. Сервисный робот с тихим жужжанием выставил перед ним тарелки комплексного обеда.

В голове крутился утренний инцидент. Ваня размышлял не перегнул ли он с Марией и как теперь это скажется на выполнении задания. Хотелось взять жетон в руку и ввалиться к Инину. Поставить вопрос ребром. И уехать в Москву.

Хотя, как там в Москве? Здесь про режим “Сфера” никто не говорил. Правда здесь и без этого был режим, с большой буквы и с двумя восклицательными знаками. Ваня открыл коммуникатор и зашел в раздел билеты. На вечер места еще были.

Инин, Инин.

В проходе между столиками показался бодро идущий Инин. «*Черт, я что, вызвал его?*»

Ваня стал вглядываться ему в лицо. Какой это Инин? Испуганный телефонный или бодряк из кабинета? На встречу шло что-то среднее. Хорошо, будет третий, озабоченный. Ваня снял с шеи жетон и положил на стол под салфетку.

— А, Иван, приветствую! — Инин улыбнулся. — Как ваши дела? Я как раз искал вас, хотел поговорить.

Ваня, как предписывала субординация, начал подниматься из-за стола:

— Здравия желаю, Сергей Петрович.

— Да ты сиди, сиди, — Инин дружески махнул рукой. — Подожди секунду, компотик возьму.

Через минуту начальник стюардов вернулся и сел напротив. Он отпил глоток, аккуратно поставил стакан и посмотрел Ване в глаза.

— Знаешь, Бунин... Мне надо было в первый же день с тобой поговорить, — начал Инин. — Ты парень хороший. Кадет. Когда-то и я так начинал. Но у нас нельзя так. Через три дня твои индексы полетят вниз, а не успокоишься и до нулевой соты можешь допрыгаться.

— А что такое Нулевая сота, Сергей Петрович? Это же главный вычислительный узел страны? — поинтересовался Ваня.

Инин горько усмехнулся. — Лучше тебе не знать, что это такое. Ты главное запомни: нельзя туда попадать. Хочешь мы тебе добровольную психокоррекцию сделаем?

— А это спасибо, не надо, — Ваня выдавил из себя улыбку. — Я сегодня утром уже видел ваш Центр. Что-то очередей из добровольцев там не было.

Инин вздохнул. Он наклонился ближе к Ване, понизив голос:

— Зря ты, парень. Ты думаешь, в Москве не так? Там ведь тоже теперь «Сфера». Суть везде будет одна. Думаю, там уже монтируют такие аппараты.

Ваня отодвинул салфетку и взял жетон в руку.

— Юрий Палыч сказал, что это ваш. Просил показать.

Бунин внимательно следил за реакцией Инина. Сначала глаза начальника безопасности потеплели, но в следующую секунду кровь отлила от его лица. Оно стало землисто-серого цвета, а во взгляде промелькнул первобытный ужас. Затем всё мгновенно исчезло. Инин снова посмотрел — сначала на жетон, потом на Ваню — абсолютно равнодушным, остекленевшим взглядом.

— Зачем ты мне это показал?

Он резко наклонился над столом. Лицо мужчины багровело на глазах, он заговорил зло, брызгая слюной и быстро тараторя:

— У меня здесь лучшая сота! У меня лучший рейтинг! Зачем ты мне это суешь в нос? Думаешь, я об этом думаю? Нет! Я этого даже не помню!

«Ну вот и ответ», — подумал Ваня. Значит, сработал план «Б». Надо бежать.

— Тогда отпустите меня в Москву, Сергей Петрович?

— В Москву? Ну нет. Сначала ты пройдешь свою практику. Потом мы посмотрим на твой индекс. Если он упадет ниже семи баллов, билет тебе никто не продаст. Тогда либо психокоррекция, либо сгниешь на рыбном заводе.

Инин резко встал из-за стола.

— И да... Мы видели твой ночной вход в систему общежития. Не думай, Бунин, что ты здесь самый умный.

Ваня поднялся в свой номер. Что же, теперь никто не скажет, что он не выполнил задание. Отныне работал приказ Самохина: «Беги».

Ваня снова зашел в раздел билетов — свободные места на вечер были. Осталось придумать план отхода и реализовать. Покупать билет прямо сейчас он не стал — рано.

Они заметили его вход на сервер общежития. Значит могут заметить снова. Значит надо все делать в последнюю минуту. Нет смысла затирать следы, есть смысл успеть уехать до того как система подаст сигнал тревоги. Главное — сесть в гиперлуп, дальше уже не их юрисдикция.

Ваня еще раз мысленно прокрутил план.

Первое: купить билеты.

Второе: открыть семейный маршрут до терминала. Пешком туда — минут двадцать.

Третье: открыть замок на выходе, запустив протокол «ночного курьера».

И как бонус — перед уходом залезть в систему коррекции, скачать личные файлы Инина. Тогда к Самохину он вернется не с пустыми руками.

Итак, гиперлуп отправляется в восемнадцать по местному. Значит, операцию надо начинать в семнадцать, нет семнадцать десять. В системе он везде выставит задержку по передаче алертов в два часа. Тогда сигнал тревоги стюарды получают лишь в тот момент, когда он будет уже в аэропорту садиться на самолет во Внуково.

Ваня вышел из душа, посмотрел на время, семнадцать ноль одна. Хорошо.

Оделся, собрал вещи, проверил конверт, допуск, пропуск, посмотрел на время, семнадцать ноль девять. Хорошо. Пора.

Зашел в коммуникатор, купил билет на гиперлуп и самолет до Москвы. Хорошо.

Зашел на городской сайт, провалился вглубь системы, перехватил права администратора. Составил семейный маршрут, поставил отметку «Одобрено». Поставил задержку алерта. Готово.

Открыл переадресацию из центра коррекции. Получил допуск админа. Зашел в базу, вбил поиск Инин Сергей Петрович и обалдел. Он чистился каждые два дня. С момента звонка Самохину глубокая чистка. Скачал хвост данных, за последнюю неделю. Алерт-задержка. Хорошо.

Зашел в сеть общежития. Курьер через пять минут. Алерт-задержка. Посмотрел на время, семнадцать двадцать пять. Хорошо.

Выбежал из комнаты и спустился к выходу. Осталась минута. Электронный замок на входных дверях сухо клацнул, выпуская его наружу. Чуть опустив голову, Ваня быстрым шагом направился к терминалу.

Вошел в огромный стеклянный купол и огляделся. Все спокойно. Белая капсула гиперлупа уже стояла, приветливо распахнув гермодверь. Пассажиры неспешно занимали места. Ваня проверил время: семнадцать пятьдесят одна. Отлично.

«Ну и кто тут из нас самый умный?» — подумал Ваня. Наконец стало отпускать дикое напряжение последних часов. План сработал. До спасительной капсулы оставалось всего несколько шагов.

Ваня вспомнил, что не ужинал. Заметил у касс автомат с шоколадными батончиками и снеками, подошел к нему. Выбрал шоколадку с фундуком и прижал коммуникатор к сканеру оплаты.

Вдруг браслет на запястье взорвался ядовито-красным. На экране коммуникатора вырос жирный багровый треугольник. Цифры личного социального индекса сошли с ума: они побежали вниз с благополучных 8,6 и замерли на ужасных 4,1.

Автомат заверещал пронзительным, бьющим по ушам зуммером тревоги. Пассажиры в зале ожидания стали оборачиваться в его сторону.

Вдалеке, у служебных дверей, замелькали лазурные мундиры стюардов. Двое из них уже сорвались на бег.

Ваня не стал ждать. Резко развернулся, бросился к выходу, плечом толкнул стеклянную створку дверей и вылетел на пронизывающий прибрежный ветер.

Бунин лихорадочно осмотрелся. Площадь перед терминалом была пуста, спрятаться негде. Вдалеке виднелась заброшенная сота. Теперь она казалась единственным спасением. Туда.

Глава 3 Заброшка

Ваня выбежал из терминала и бросился к темной соте. Хорошо, что он вчера изучил план города. Но одно дело карта, другое ситуация на местности, на максимальном бегу.

Адреналин придавал сил, ноги едва касались земли. Последние сто метров дороги не было. Пришлось продирается сквозь наваленные базальтовые глыбы, куски бетона и острый строительный мусор. Ваня сквозь пустой дверной проем забежал на первый этаж и бросился искать технические помещения.

Так, руины кухни, а вот и щитовая. Металлический щиток был разбит, внутренности вывернуты, но сам шкаф уцелел. Ваня подхватил с пола грязные тряпки, плотно замотал в них коммуникатор вместе с пульсирующим браслетом, засунул этот кокон глубоко в шкаф и с силой захлопнул крышку. Заблокировал замок, провернув его ребром жетона.

Снаружи послышался топот ног и голоса преследователей. Ваня бесшумно, контролируя каждый шаг, чтобы не наступить на строительный мусор, прошел вглубь помещения — к провалам окон, выходящих на море.

— Где он?! Ты его видишь?! — долетел из коридора крик стюарда.

— Сигнал только что был здесь! — ответил ему второй, озадаченный голос.

Пока стюарды искали пропавший сигнал, Ваня выскользнул через окно наружу. Оказавшись на диком берегу, он пробрался между огромных, обточенных прибоем валунов и спрятался в глубокой расселине.

Судя по голосам, подошли еще стюарды. Ваня осторожно выглянул из своего укрытия. Светлячки фонариков шарили по этажам. Это надолго. Ваня поднял воротник и поудобнее устроился среди камней, глядя на море. Сейчас главное — ждать.

Ваня задремал. Когда он проснулся, уже окончательно стемнело. Голоса стюардов стихли. Он осторожно выглянул из укрытия — никого. Но интуиция подсказывала, что лучше еще переждать. Иван снова устроился поудобнее и опять задремал.

Его разбудил плеск моря у самых ног. Прилив. «Значит, часа два ночи или около того», — подумал он. Пора выбираться. Бунин встал, поежился от сырости и прислушался к ночи. Вокруг стоял только мерный шум волн.

Он осторожно двинулся обратно в соту. Снова залез через разбитый оконный проем, прошел в пустую столовую и нашел металлический шкаф. Вроде бы всё было на месте. «Что ж, надо искать место для ночлега, пора обустраивать быт», — грустно подумал он и пошел искать лестницу наверх.

На верхних этажах тянулись бесконечные пустые комнаты: остатки сломанной мебели, выбитые с корнем двери, разбросанная утварь. На всех этажах здания картина была одинаковой. Зато вид из окон открывался десять из десяти — внизу футуристическими созвездиями сияли светящиеся белые соты города.

Ваня решил, что лучше устроиться повыше. Если внизу начнется шум, у него будет время среагировать и уйти. Он подобрал комнату без луж и мокрых стен, соорудил на полу что-то наподобие ложа и набросал сверху старых тряпок. «К утру завоняю, как те бедолаги», — уныло подумал он, вспомнив беглецов в Центре коррекции.

Бунин нашел кусок прочной веревки, натянул у входа растяжку и соорудил импровизированную звуковую сигнализацию из строительного хлама. За окном небо уже начало заметно сереть. «Часа четыре утра, не меньше», — определил Иван по дальневосточным сумеркам. Сон наконец брал свое, и он начал укладываться.

Разбудило солнце — оно слепило прямо в глаза. Ваня зажмурился, но уже окончательно проснулся. «Почему не было подъема?» — машинально подумал он, но тут его резко накрыло

осознанием: он не в своем уютном кубрике на двоих с Максом, а на краю земли. Беглец вне закона.

Иван открыл глаза. Перед ним прямо на полу сидела рыжая девушка, та самая, из Центра коррекции, и насмешливо смотрела на него.

— Привет. Как дела? Смотрю, у тебя стремительная карьера, — сказала она с легкой улыбкой.

— Привет. Стараюсь, — ответил Ваня.

— Это из-за меня?

— Нет, это из-за шоколадки.

— Украл? — удивленно уставилась она на него.

— Нет, купил, — честно ответил Бунин.

Девушка хмыкнула и покачала головой.

— Я тут отстала, наверное, от жизни, раз за покупки теперь ловить стали. Индекс упал?

— Ага, до четырех и одного перед самым побегом.

— А, ну тогда ничего, забудь, — отмахнулась она. — Для облавы нужен рейтинг меньше двойки. Просто в город пока не ходи.

Ваня сел на своем импровизированном ложе и спросил, глядя на дверной проем:

— А как ты вообще через мою сигнализацию пролезла? Ты же еле ходишь. Я сам видел через окно.

— На, держи бутерброд, — она протянула ему еду. — Нормально я хожу.

Девушка легко встала и грациозно покрутилась на одной ноге.

— А там, на площади, это специально. Чтобы уличные камеры по походке профиль личности не считали.

Ваня взял бутерброд, нерешительно посмотрел на него, а затем — на девушку.

— А у тебя... у самой еще есть?

— Да, я свой уже съела, не переживай, — отмахнулась она. — Меня, кстати, Оля зовут.

Ваня жадно откусил бутерброд. Внутри оказалась нежная, тающая во рту рыба.

— Прости, что сам сразу не спросил. Я Иван. А ты почему здесь оказалась?

— Я? — Оля на секунду задумалась, глядя в окно. — Я нелегал. Приехала сюда по одному делу. Но завтра уже всё будет нормально — получу деньги и новые документы. А у тебя самого какой план?

— План? — Ваня грустно усмехнулся. — Это отличный вопрос. Пока мои долгосрочные планы полностью ограничены поеданием этого бутерброда.

Они рассмеялись.

— А что, кстати, с Димой стало? — вдруг спросила она.

Ваня поднял на нее непонимающие глаза:

— Дима?

— Ну, тот, второй. Нас вместе в Центр привели.

— Они сказали: по жесткому варианту, — вспомнил Бунин.

— А, понятно. Значит, можно про него забыть, — Оля помрачнела. — Хороший был парень. Такой же, правда, наивный, как и ты.

— В смысле — забыть? — Ваня перестал жевать. — А его за что?

— У него нарушение семейных маршрутов, — Оля обняла колени руками. — Ребенок заболел, лекарств не было, и он в город побежал. Потом — сопротивление властям, стюарду в нос залепил. А дальше прибежал сюда и, прямо как ты, здесь улегся. Думал, это заколдованное место такое и его в заброске не найдут.

Она выразительно посмотрела на Ваню.

— А жесткая программа — это, считай, человека до заводских настроек скинули. Теперь ему придется заново знакомиться с собственной семьей и с нуля приобретать весь социальный опыт.

— Жаль парня.

Бунин помолчал.

— Похоже, и я со своей шоколадкой погорячился, — Ваня задумчиво посмотрел на Олю.
— Систему не надо было трогать.

— Ну давай, спрашивай еще что-нибудь, и я побежала, — Оля легко поднялась с пола и отряхнула робу. — От тебя всё равно пока толку нет. Пойду нам на обед зарабатывать.

— Как — зарабатывать? — Ваня подозрительно прищурился.

— Помогу девчонкам на рыбном заводе, они нас за это горячим супом угостят, — Оля насмешливо вскинула бровь. — А ты что подумал?

Ваня смутился и перевел взгляд в окно:

— Прости. Ничего. Я просто пока в шоке от ваших местных порядков.

— Ну, не скучай тут. Я в обед со стороны моря зайду. От меня не прячься, а так — будь осторожен, — она подмигнула ему, развернулась и бесшумной тенью выскользнула из комнаты, не задев натянутые Ваней веревки.

После ухода Ольги Ваня снял свою импровизированную сигнализацию и пошел изучать здание при свете дня. Он ходил по этажам, заглядывал во все комнаты, осмотрел лестницы, шахту лифта и технические помещения. В конце концов нашел что-то вроде каморки электрика. Поискал инструмент и обнаружил катушки медного провода.

«То, что надо», — подумал Ваня. Он поднял с пола пустую картонную коробку из-под маркеров и сел собирать клетку Фарадея. Кадет знал: если плотно обмотать картон проводом и заземлить конструкцию, в ней можно будет относительно безопасно хранить коммуникатор. Через час у него получился пенал из двух половин, туго обвитый медными жилами, с торчащим наружу пучком проводов для подключения к контуру земли.

Бунин отправился на первый этаж, чтобы переложить гаджеты. В итоге коммуникатор и браслет он оставил в том же разбитом ящике щитовой, но уже переупакованными в защитный пенал.

Время пролетело быстрее, чем он думал. Со стороны моря у окна послышались легкие Ольгины шаги. Ваня осторожно выглянул, убедился, что это она, и вышел навстречу.

Его новая знакомая шла с объемным бумажным пакетом в руках.

— Принимай подарки, — сказала она.

Ваня внимательно посмотрел на нее:

— У тебя всё хорошо?

Ольга подняла на него свои заплаканные глаза:

— Я тебе комбинезон принесла. А то в форме кадета тебе здесь ни еды, ни работы не выпросить.

Она зашла в остатки столовой, поставила пакет на запыленный стол и начала доставать вещи для Вани. Затем вынула пластиковое ведро с супом.

— Горячий еще, — прокомментировала она.

И последним достала бумажный свёрток поменьше.

— А это рыба и овощи на вечер.

— Не испортятся? — спросил Ваня.

— Да, точно. Убери в холодильник, — деловито распорядилась Ольга.

Ваня послушно взял пакет и пошел к старому холодильнику на кухню. Открыл дверцу — внутри лежал только грязный строительный мусор. Ваня растерянно повернулся обратно. В

дверном проеме, прислонившись плечом к косяку, стояла Ольга. На её лице блуждала грустная, понимающая усмешка.

— Ванечка, ты такой наивный... Ты тут без меня и трех дней не проживешь.

Она вздохнула:

— Иди, переоденься, я суп наверх принесу. На террасу, граф, могут прилететь лазурные мухи. Пообедаем на антресолях, с видом на море.

Ваня взял комбинезон и отправился наверх переодеваться. Оля проводила его взглядом и, прихватив еду, пошла обустроить их быт на верхних этажах.

Когда Ваня зашел в комнату уже в комбинезоне, у Оли всё было готово. Она оценивающе смерила его взглядом:

— Красавчик.

— Не так удобно, как в форме, но точно более уместно, — с улыбкой отреагировал он.

— Иди, я уже по порциям разложила.

На кирпичах у выломанного окна стояли два больших бумажных стакана, полных густого рыбного супа, из которых торчали пластиковые ложки.

— Угощайтесь, граф.

Ваня обозначил шуточный поклон и сел на подоконник. Впереди открывался завораживающий вид на свинцовое море, вдали над волнами кружили альбатросы. Оля быстро посмотрела на Ваню и сразу отвернулась, глядя в водную гладь. Чуть прищурилась, пряча лицо от ветра, и едва заметным движением смахнула слезу.

— Ну что ты, Оль? Тебе, может, супа жалко?

— Дурак, мне тебя жалко, — тихо сказала она.

И решительно принялась за еду.

Ваня доел суп, выпил последнюю каплю, тщательно оближал ложку и положил её в стакан. Поставил их на пол, чтобы не сдуло ветром. Затем вытер руки о новый рабочий комбинезон и протянул ладонь Оле.

— Принцесса, ты сегодня дважды спасла меня от голодной смерти, теперь я твой должник. Но мне суп не идет в рот, когда я вижу, как ты печальна. Как я могу тебя развеселить?

Оля тоже доела и не спеша поставила стаканчик на пол. Выпрямилась, с глубокой грустью посмотрела на Ваню, а в следующее мгновение вдруг крепко обняла его за шею и горько заплакала.

— Оль, почему ты плачешь? Что случилось?

— Потому что ты такой хороший... а меня завтра уже не будет, — сказала она, всхлипывая.

— Оль, я же солдат, я спасу тебя!

— Не-е-ет, меня уже-е-е не спасти-и-и...

Ваня стоял и совершенно не знал, как поступить: то ли дать ей окончательно проплатиться, то ли мягко отстранить и начать расспрашивать. Оля почувствовала, что он растерялся и не обнимает её в ответ, и от этого прижалась к кадету еще крепче.

И вдруг отпустила руки, резко отстранилась от его груди, сделала глубокий, судорожный вдох и вытерла глаза рукавом комбинезона.

— Всё. Хватит, — Оля шмыгнула носом и горько усмехнулась, глядя на растерянного кадета. — Прости. Минутка слабости. Солдат он... Спасать собрался. Ты себя сначала вытащи.

— Оля, что значит «тебя завтра не будет»? — Ваня перехватил её за плечи, не давая уйти от ответа.

Оля посмотрела на его руки лежащие у неё на плечах, затем — в сторону.

— Завтра в полдень у меня запись в клинике «Чистое сознание», — тихо, без прежних слез, сказала она. — Я продаю свою память, Вань. Всю. В обмен на чистый паспорт, билет на материк и большие деньги. Завтра я не буду помнить ни этот суп, ни эту заброшку. Ни тебя.

Она отстранилась еще сильнее и вдруг закричала:

— Всё! Отстань! Не ходи за мной!

Оля резко вырвалась и бросилась к двери. Уже в самом проеме она на секунду развернулась:

— Ужин здесь, на закате. Мне надо побыть одной. Прости, — сказала она уже гораздо спокойнее и стремительно убежала.

Ваня проводил её недоуменным взглядом и снова сел на подоконник. Третий курс академии ФПИ, научная рота — самый передовой край науки. Им рассказывали даже про разведанные перспективных зарубежных разработок. Но перенос отчужденного опыта? Об этом он даже не слышал.

На лекциях им упоминали технологию эмоциональной коррекции, но исключительно как о теоретической возможности, вызывающей кучу вопросов с морально-этической точки зрения. А здесь... Здесь целый такой город.

И что со всем этим делать? Какой план, кадет Бунин? Ваня не мог найти ответы на множество возникающих вопросов. Для четкого плана катастрофически не хватало информации, и в голове чувствовалась звенящая, незаполненная пустота.

Море окрасилось багровыми лучами закатного солнца. Оля, как ни в чем не бывало, зашла в комнату, держа в руках два больших бумажных стакана с едой, в которую были воткнуты пластиковые вилки. Молча протянула один Ване и села на подоконник. Ваня взял еду и, ничего не говоря, стал ковырять овощи. Под ними оказалась рыба в нежном сливочном соусе.

— Я сегодня в обед говорила ну, с тем, кто мне всё это устроил. Уже нельзя отказаться. Последние двадцать четыре часа я уже не принадлежу себе. Мне даже поцеловать тебя уже нельзя.

— Ты из-за этого плакала?

— Отстань.

— Почему нельзя?

— Неустойка.

— Давай сбежим, — предложил Ваня. — Потом выйдем. Ну или сдадим их.

Оля снова с жалостью посмотрела на Ивана.

— Ваня, Ваня... Ты не понимаешь, что это за люди. Это Москва. Там неустойка такая, что если меня аккуратно разобрать на органы и продать по частям, я всё равно останусь должна.

Они снова замолчали.

— Видишь море? — спросила Ольга.

— Да.

— А слева — терминал?

— Вижу.

— А справа — рыбзавод. По берегу минут двадцать. Там спросишь Михаила. Это как пароль. Не говори, что ты кадет. Проси еду или работу. Уйти из города тоже можно через них, но это если им понравится. Если поверят тебе. Следи за языком. Ляпнешь не то — и никто тебе в этом городе не поможет.

Они сидели и смотрели на море, пока темные точки альбатросов не стали сливаться с ночью. Ваня чувствовал, что это их последний вечер, и все его нутро противилось этой мысли. Он лихорадочно искал выход и не находил.

— Пошли, покажу нору, где облава нас не найдет.

Ольга встала и повела Ваню за собой. Они зашли в комнату электрика, где Ваня делал свой пенал. Ольга деловито подошла к стеллажу у стены и отодвинула его край. За ним оказа-

лась дверь. Они зашли в маленькую комнатку. Ольга взяла веревку, пропущенную сквозь отверстие в нижней части двери, и с силой потянула. Стеллаж со стуком встал на место.

— Вот палка, это утром стеллаж толкать, — показала Ольга. — Иди за мной.

Ваня осматрелся. Идти здесь было некуда. Ольга сняла решетку со стены и залезла в вентиляцию. Ваня полез за ней.

— Закрой решетку, — напомнила Ольга.

Они двинулись дальше. В паре метров за поворотом Ольга выскользнула в техническое помещение вентиляционного узла. Здесь стояли остатки оборудования — какие-то огромные, непонятные короба. Но тут же был оборудован жилой уголок: на полу выцветший ковер, две постели, лампочка, импровизированные тумбочки.

— Уютно, — сказал Ваня, осмотревшись.

— Устраивайся. Перейдет тебе по завещанию.

— Оль, а почему они именно твою память покупают?

— Потому.

Ольга потянулась и выключила свет.

— Свет не экономь, — добавила она из темноты. — Тут провод с крыши идет.

Потом помолчала и тихо продолжила:

— Я детдомовская. Потом — приемная семья. И везде меня... В общем, подвергалась насилию. У меня душа как оголенный нерв.

Снова наступила тишина.

— Я поэтому и тебя сразу почувствовала, — прошептала Ольга. — Ты такой хороший. Я сразу представила, как бы у нас могло всё быть хорошо.

Снова длинная пауза. Ваня не знал как ответить на это признание.

— А зачем им это? Ну это же страдания? — осторожно спросил он.

— Маньяки потому что. Знаешь, те мучают и наблюдают за страданиями жертвы. А эти дальше пошли. Они могут это почувствовать.

Ваня помолчал, переваривая услышанное.

— А ты знаешь, кто покупатель?

— Это контрактом запрещено. Но у меня — женщина. Какой-то важный московский адвокат.

— А мы потом... снова познакомимся?

— Дурачок. Я на тебя даже не посмотрю. Я буду бездушной пластиковой куклой с кучей денег.

Ваня лихорадочно перебирал варианты:

— Ну давай я завтра Инину сдам? Всё ему расскажу. Потом отработаю свой индекс...

— Это который здесь начальник?

— Начальник стюардов.

— Так он сам у них под колпаком, — горько отозвалась Ольга. — Люди говорят, что ему пару дней назад глубокую чистку делали.

— Откуда ты-то это знаешь? — спросил Ваня и похолодел, вспомнив, что именно эту информацию он вчера выкачал из терминала коррекции.

— От посредника. Всё, что я знаю, — это от посредника.

Ваня снова надолго замолчал. Он продолжал судорожно искать уязвимости.

— Давай я с твоим посредником поговорю? — наконец предложил он.

— Поговори, — вздохнула Ольга. — Будешь потом вместе с Димой в Центре реабилитации никого не узнавать и по-новой приобретать социальные навыки.

Она помолчала, укладываясь поудобнее, и тихо добавила:

— Давай спать, мой герой.

Ваня снова и снова перебирал варианты. Потом его варианты стали прыгать через забор, и он провалился в сон.

Он открыл глаза. Прислушался к тишине и тихо спросил:

— Оля, ты спишь?

Никто не ответил. Он нащупал рукой лампочку и включил свет. Постель Ольги была пуста. На ней лежал только смятый рабочий комбинезон, а рядом — бутерброд. На серой штукатурке стены помадой было размашисто написано: «Пока», нарисовано сердечко и чуть ниже: «Люблю».

Ваня вскочил и лихорадочно полез в вентиляцию. Выбрался в комнату электрика. В разбитое окно всюду светило утреннее солнце. Ольги нигде не было.

Глава 4 Чистое сознание

Ваня отодвинул стеллаж и выбежал в комнату электрика. В разбитое окно вовсю светило солнце. Он бросился вниз по лестнице, выскочил в пустую столовую — Ольги нигде не было.

Ваня побежал к электрическому щитку. Дрожащей рукой, не снимая жетона с шеи, открыл железную крышку, достал обмотанный медной проволокой пенал и бросился на берег. Забрался на огромные валуны и устроился, чтобы можно было контролировать дорогу от терминала и со стороны города.

Он достал коммуникатор, вошел в систему и наложил цифровую маску. Теперь его гаджет определялся где-то в районе аэропорта, а сам он выходил в сеть как случайный житель Соты, периодически меняя привязку к конкретному номеру дома.

Время — одиннадцатый час. Снова проснулся слишком поздно, проклятая смена часовых поясов. Но ладно, время еще есть. Оля говорила, что её запись на полдень. Главное — не спешить, нужна абсолютная ясность. У него нет времени на ошибки.

Ваня нашел в сети клинику «Чистое сознание». Официально это был Центр восстановительной медицины, предлагающий помощь после жесткой психокоррекции. Белые и пушистые, никакого переноса памяти в презентации не значилось. Ладно, разберемся.

Что это вообще за технология? Ваня нашел монографию профессора Васильева по отчуждению травмирующего опыта. Текст был длинным и запутанным. Бунин скопировал массив данных и попросил искусственный интеллект сделать краткую выжимку.

ИИ выдал ключевые моменты: разрушающее считывание нейронных связей. Технология переносила не сами воспоминания, а паттерны реакций на травму. До конца суть процесса не ясна, но главное Ваня понял: считывание было *разрушающим*. Стирающим личность донора.

— Твари, — сквозь зубы процедил Бунин.

Он быстро отыскал на карте, где расположена клиника «Чистое сознание». Полчаса пешком. Ваня задумчиво посмотрел на свой рабочий комбинезон. Похоже, сегодня придется поработать электриком.

Он зашел на сервер местной электроснабжающей компании, перехватил права и поставил переадресацию звонков дежурного диспетчера на свой коммуникатор. Затем нашел на схеме выделенную линию снабжения клиники и принялся вручную, наугад, выключать и включать подачу электричества. Пять раз подряд. Хватит.

Коммуникатор в руке завибрировал, принимая входящий вызов. Ваня глубоко вдохнул и ответил сонным голосом:

— Диспетчер слушает.

— Здравствуйте, у нас свет пропадает! — раздался испуганный женский голос.

— Ваш адрес? Разберемся, — лениво ответил Ваня. Не то.

Он сбросил вызов и снова щелкнул тумблером на виртуальной панели. Звонок.

— Диспетчер слушает.

— Что со светом?

— Адрес. Разберемся, — повторил Ваня. Снова не то.

Прошло полминуты. Коммуникатор снова ожил.

— Диспетчерская!

— Дорогие мои, что у вас там со светом творится?! — в трубке раздался мужской голос с нотками паники. — У нас серверы медицинской аппаратуры могут в аварийную перезагрузку уйти!

— Подскажите ваш адрес, — спокойно, сверяясь с мигающим логом на экране, попросил Ваня.

— Клиника «Чистое сознание»!

«Они», — мысленно зафиксировал Бунин:

— Минутку, сейчас посмотрю схему... На нашей стороне аварийных отключений нет. Надо у вас посмотреть во вводном распределительном щите. Заявка принята. У вас первая категория потребления, так что мастера отправляем немедленно. Запишите или запомните пин-код для подтверждения наряда: 7524. Когда мастер подойдет, вам надо назвать эти цифры.

— Да, да, записал! Семьдесят пять, двадцать четыре. Пусть побыстрее, пожалуйста!

В трубке пошли гудки. Ваня убрал коммуникатор. Путь внутрь клиники был открыт.

Ваня бросился в заброшку, взлетел по лестнице и забежал в комнату электрика. Нашел ржавый ящик для инструмента, накидал туда старых ключей, мотков проволоки и гнутых гвоздей. Выглядело это так себе, но выбрать было не из чего. Он сбегал вниз и остановился перевести дыхание.

Посмотрел на время — почти одиннадцать. Выдохнул. Черт. Надо же еще открыть маршрут! Зашел в систему, открыл маршрут до клиники, поставил отметку «Одобрено» и выставил задержку алерта.

Через тридцать минут Ваня зашел в клинику. За стойкой ресепшена стояла андроид. Она улыбнулась и произнесла глубоким, чарующим голосом:

— Добро пожаловать в клинику восстановительной медицины «Чистое сознание».

— Я электрик с центральной, — Ваня шагнул к стойке. — Вы вызывали.

Андроид снова улыбнулась и замерла. Через минуту из-за ее спины вышел доктор.

— А, это вы, дорогуша?

Он скептически осмотрел Ваню с головы до ног, задержав взгляд на ржавом ящике. Ваня заметил куда смотрит доктор и ответил с легкой ухмылкой:

— Мой счастливый. Назовите пин-код.

— Семьдесят пять, двадцать

— Двадцать четыре, — подсказал Ваня, сохраняя на лице безмятежную улыбку.

— Да, да, точно. Давайте я вас проведу в щитовую.

Они пошли вглубь клиники. По дороге доктор обернулся:

— Только я с вами стоять не буду. Сейчас у нас процедуры. Как закончите, выйдете на ресепшен, и меня пригласят.

— Как скажете, — Ваня снова улыбнулся.

Как только за доктором закрылась дверь щитовой, у Вани тут же сошла улыбка с лица. Он поставил ящик на пол, закрыл дверь изнутри и немедленно подключил коммуникатор к внутренней системе камер клиники.

Камера входа — не то. Камера ресепшена: за стойкой замерла девушка-андроид — снова не то. Камера аппаратной: стойки серверов, монитор управления. Доктор, который только что встречал его на входе, спокойно стоял у кофемашины и ждал напиток. Это на потом.

Камера процедурной номер один. Какая-то женщина ложилась на кушетку, готовясь к началу сеанса. Это не Ольга. «Наверное, та самая московская заказчица», — подумал Ваня и всмотрелся пристальнее. Женщина так и не повернулась лицом. Кушетка, массивный шлем, силовая аппаратура — всё как у профессора Васильева, когда три года назад тот делал нейроперенос самому Ване для лунной миссии. Ладно, мимо.

Процедурная номер два. Ольга. Она уже лежала на кушетке. На голове — шлем, усеянный датчиками. Вся сопутствующая аппаратура уже работала на полную, к вене на руке тянулась прозрачная трубка капельницы. Ваня испуганно посмотрел на время — одиннадцать сорок. Что за черт? Наверное, идет предварительная подготовка нейропластичности. Так этот процесс когда-то называл Васильев.

Ваня лихорадочно переключился обратно на камеру аппаратной. Доктор со стаканчиком кофе уже сел за главный монитор. Бунин в один клик перехватил поток данных с его экрана и обмер.

На дисплее транслировалось крупное изображение живого нейрона в реальном времени, у которого с сухим системным писком рвались синаптические связи. Внизу бежали строчки: *«Время процедуры — 40 минут. Готовность считывания массива — 92%»*.

Твари. Какие же твари.

Ваня медленно сполз по стене на холодный пол щитовой. В глазах потемнело. Он понял, что опоздал.

Что же теперь? Ваню била крупная дрожь от бешеного выброса адреналина. Он поднялся, нашел в своем старом ящике большую ржавую отвертку и пошел к доктору.

Бунин тихо приоткрыл дверь в аппаратную, скользнул внутрь и так же бесшумно закрыл её за собой. Доктор сидел, закинув ноги на стол, и лениво потягивал кофе. Он мельком посмотрел на Ваню:

— Дорогуша, вам сюда нельзя. Выйдите.

Ваня перехватил отвертку обратным хватом, как боевой нож, и, медленно приближаясь к врачу, жестко приказал:

— Выключай нахрен!

Доктор скептически смерил кадета взглядом:

— Вы бы хоть пистолет или нож взяли для приличия.

Ваня мгновенно ушел в низкую боевую стойку, в ту же секунду пружиной распрямился и с глухим треском вонзил отвертку в стол, пробив массивную столешницу насквозь. И тут же снова замер, по-прежнему держа рукоять в кулаке. Доктор подпрыгнул на стуле, опрокинув на себя остатки горячего кофе:

— Всё, всё! Презентация засчитана. Я всё понял. Давай поговорим.

— Выключай, я сказал! — Ваня сильнее сжал рукоять отвертки.

— Дорогуша, мне не трудно, мы уже почти всё скачали, — доктор устало вздохнул. — Только учти: если я нажму «стоп» прямо сейчас, она у тебя останется овощем. Ну или, если очень повезет, у нее будет интеллект котенка.

— Почему?

— О! Прекрасно, у нас дилетант.

Доктор снял испачканный кофе халат, скомкал его и бросил в корзину для мусора. Подошел к вешалке, взял чистый, надел, не спеша вернулся к столу и сел на свое место.

— Потому что мы сканируем участки ее мозга высокочастотным разрушающим излучением. Не специально разрушаем, конечно. Это побочный эффект. И ей после процедуры надо лежать в лечебном сне под капельницей до тех пор, пока синаптические связи не восстановятся.

— И она всё будет помнить?

— Ну, как вам сказать... Помнить что-то будет, что-то — нет. Я не знаю, как там у нее всё заживет. Мы ведь у нее не память отчуждаем, а её опыт.

— Я не понял.

— Это и понятно. Этому учиться надо. Как я тебе на пальцах это объясню?

Ваня узнал эти характерные речевые обороты.

— Ты ученик Васильева?

Доктор с интересом посмотрел на Бунина:

— Все, кто занимается нейроиллюзией, нейропереносом или, как я, отчуждением опыта, в какой-то мере ученики профессора. Он основоположник метода, так сказать. А вы откуда знаете?

— Словечки профессора, — Ваня выдернул отвертку из стола. — Рассказывай. У меня есть база.

— Ну, девочка получила травмирующий опыт, — доктор развел руками. — И кроме ужасных воспоминаний и страха она приобрела определенные поведенческие паттерны. У нее обострилась звериная чуйка. Она считает опасность за километр. А кто-то хочет это купить. У девочки после процедуры, даже если сохранятся воспоминания, больше не станет травмы. Она будет помнить всё случившееся как кино или чей-то рассказ. А заказчик не получит её воспоминаний, но приобретет чистую чуйку — без необходимости самому переживать этот кошмар. Доходчиво?

— Как это возможно?

— Дорогуша, ты сам почитай на досуге, как память устроена, — доктор устало улыбнулся. — Где именно мозг хранит воспоминания, где защиты поведенческие реакции и всё такое. А я давай-ка пока аппаратуру переключу. Твою девочку скачали. Мне надо срочно запустить для нее процесс реабилитации и начать основную процедуру для московской клиентки.

Ваня молча махнул рукой. Доктор придвинулся к монитору и начал быстро переключать вкладки управляющей программы.

Он закончил переключения, вальяжно откинулся на спинку кресла и снова закинул ноги на стол.

— Шли бы вы отсюда, молодой человек, — он с издевкой посмотрел на Ваню. — Стюардам я, конечно, ничего сообщать не буду. Но скоро сюда придут хмурые парни, и я уверен, что вы им не понравитесь и у вас появится травмирующий опыт.

— Через сколько? — спросил Ваня.

— В течение получаса будут. Еще успеете убежать подальше, — доктор снова самодовольно улыбнулся.

— А вы с переключениями точно закончили?

Доктор обернулся к монитору и быстро пробежался взглядом по параметрам:

— Да, по крайней мере на ближайший час.

Ваня резким ударом ноги опрокинул кресло вместе с доктором на пол. Мгновенно поднял хрипящего врача за шиворот и с силой ударил его лбом о деревянную столешницу.

— Это чтоб помнил, — процедил Бунин.

Затем он рывком усадил обмякшее тело обратно в кресло, завел ему руки за спину и намертво привязал к поручням тем самым халатом из урны. Подтащил другой стул и сел за главный монитор. Быстро переключил вкладки, разыскивая личную карточку Ольги. На фотографии в базе она была такой милой. Ваня невольно улыбнулся. Зашел в прикрепленные файлы и перекинул весь массив данных к себе в облако.

Затем нашел карточку Инина. Прикрепленные файлы — в облако. Напоследок открыл личное дело самого врача: «Васильков Антон». Ваня медленно повернулся к привязанному мужчине.

— Антон, тут в вашем деле есть ваш домашний адрес, семейные маршруты и куча другой всячины. Я скачаю себе, вы же не против? — Бунин заглянул в испуганные глаза доктора. — Когда я в следующий раз сюда приду, — а я обязательно приду, — улыбайтесь мне и никогда не спорьте.

Ваня встал и прошелся по кабинету, подошел к медицинскому холодильнику и открыл его. Там, среди лекарств и пробирок, на отдельной полке лежал сэндвич в пластиковой упаковке. Бунин достал его и показал доктору:

— Продайте.

Тот что-то невнятно пробормотал сквозь зубы.

— Я вам переведу деньги, — настаивал Ваня.

— Угощаю, — буркнул Антон с кислым видом.

— А сэнки у кофемашины?

— И их бери.

Ваня взял с вешалки чистый халат, ссыпал туда шоколадные батончики, положил бутерброд, завернул в узел и понес к своему ящику в щитовую. Быстро собрал ржавый инструмент и пошел на выход. Но едва он спустился с крыльца клиники, как впереди, отрезая путь к бегству, показались четверо крепких, спортивных парней.

Бунин поставил ящик с инструментом на землю и присел, сделав вид, будто завязывает шнурок. Он прекрасно понимал, что за четырьмя противниками одновременно не уследить. Главное — расслабиться. Ловить их движения боковым зрением и действовать исключительно на автоматизмах. Именно так их учили.

Четверка плотно обступила его. Ближайший слева пренебрежительно загоготал:

— Смотри, они уже подростков хулиганить отправляют.

Ваня никак не отреагировал. Когда левый потянул к нему руку, Бунин пружиной взвился вверх и жестко пробил ему в кадык. Разворот. Ваня периферийным зрением перехватил выпад правого дальнего по диагонали. Обозначил ложный удар левой в висок — противник инстинктивно закрылся и тут же пропустил сокрушительный прямой правой в переносицу.

Справа пошло движение от ближнего. Ваня на опережение всадил ему тяжелый удар ногой в грудь, отбросив назад.

Левый дальний, оценив ситуацию, молча убрал руки за спину и сделал шаг назад, освобождая дорогу. Ваня спокойно подхватил свой ржавый ящик с инструментом и быстрым шагом направился в сторону моря.

Доктор после ухода Ивана кое-как освободился от пут грязного халата и бросился к монитору, чтобы посмотреть, как дерзкого хулигана будут воспитывать хмурые парни. Он спешно вывел на экран картинку с наружной камеры видеонаблюдения.

На экране один боевик стоял с растерянным лицом, а трое остальных корчились на гранитной плитке тротуара. Вдали виднелась спина удаляющегося электрика с ржавым ящиком в руке.

— Однако, — тихо сказал Антон, ошеломленно моргая.

Зайдя в темную соту, Ваня внимательно осмотрелся. Никого не было видно. Он прошел к щитку, аккуратно убрал коммуникатор обратно в медный пенал, заземлил его и закрыл железную крышку.

Затем медленно, едва переставляя ноги от нахлынувшей грусти, побрел наверх по полуразрушенной лестнице. Зашел в пустую комнату, где еще недавно Ольга кормила его горячим супом, достал трофейный сэндвич и сел на подоконник. Всё было прежним: бутерброд, свиное море, кружащие вдали альбатросы.

Только не хватало её, Ольги. Её едких, подколок: *«Смотрю, у тебя стремительная карьера?»*

Ваня закрыл глаза и снова отчетливо вспомнил, как она беспомощно лежала на кушетке под шлемом, пока на мониторе компьютера с мерзким писком рвались синапсы, навсегда стирая её память о нем.

Ваня шел по берегу вдоль кромки моря в сторону рыбзавода. Под ногами хрустела острая скальная крошка вперемешку с обломками ракушек. Бунин размышлял, что он там попросит. Работы и еды — это понятно, одним сэндвичем долго сыт не будешь.

Но чего он хотел на самом деле? Просто сбежать отсюда на материк? Или взломать систему и попытаться спасти Ольгу, которая теперь даже не вспомнит его? А если и вспомнит, то больше ничего не почувствует.

Ваня шел и задавался вопросом: что из этого окажется больше? Когда она посмотрит сквозь него холодным взглядом или когда равнодушно скажет: «А, Ваня? Что-то такое припоминаю. А ты, собственно, кто?» Выходило невыносимо больно в любом случае.

Может, ему стоило наконец вспомнить, что он — кадет ФПИ, и просто выполнить приказ Самохина? Файлы Инина у него на руках. Ваня опустил взгляд на свои ноги. Кадет... Ольга запретила говорить, кто он такой. Но берцы на ногах кричали об этом за него. Черт. Берцы. Надо будет обязательно снять и где-то спрятать, не доходя до рыбзавода.

Интересно, а существует такая программа, чтобы прогнать файлы Инина или, еще лучше, Ольги сквозь нее и получить на выходе живую картинку? Посмотреть собственными глазами, что именно там увидел Инин и какой травмирующий опыт он приобрел. Наверное, пытал кого-нибудь... Что вообще может быть хуже принудительной психокоррекции? Ваня снова вспомнил бедного Диму, которого у терминала за одну секунду превратили в безвольный овощ.

Или Ольгин файл. Запустить его и сказать: «Вот, Оль, смотри, как я в холодильник полез». Неужели она и в этот момент ничего не почувствует? Может, внутри нее хоть что-то шевельнется, и она просто рассмеется, как раньше?

Впереди наконец показались корпуса рыбзавода. Ваня вышел на укатанную грунтовку и стал искать, куда можно пристроить берцы. Между дорогой и морем плотной грядой лежали монструозные бетонные волноломы. Бунин разулся, запихнул обувь в глубокую щель между блоками и на секунду замер. Как отметить место? Ладно, буду просто считать шаги.

До проходной оказалось триста двенадцать шагов. В остекленной будке сидел мужчина средних лет с удивительно адекватным, спокойным лицом, одетый в простую гражданскую одежду. «Какие-то местные силы самообороны», — мысленно предположил Ваня.

— Привет! — крикнул он и помахал рукой.

Мужчина спокойно вышел на улицу и смерил Ваню оценивающим взглядом:

— Чего тебе? — хмуро спросил он.

— Я ищу Михаила, — Ваня посмотрел ему прямо в глаза.

Охранник еще раз смерил кадета взглядом с головы до ног и коротко бросил:

— Стой тут.

В этот момент к проходной бесшумно подкатил тяжелый логистический модуль — два виртуально сцепленных беспилотных контейнера с мигающим оранжевым проблесковым маячком на крыше. Дежурный отошел, запустил ручной дрон, быстро осмотрел и нажал на пульте кнопку открытия ворот. Иван, чтобы не мозолить глаза, тихо гулял неподалеку. Наконец со стороны будки его окликнули:

— Эй, иди сюда!

Ваня обернулся и быстро пошел к ним. Рядом с первым мужчиной теперь стоял второй — хмурый, в точно таком же комбинезоне как у Ивана. Он внимательно посмотрел Ване в глаза, перевел взгляд на сбитые в кровь костяшки рук. Опустил глаза на босые, белые, идеально гладкие ноги городского парня. К коже которых не успела прилипнуть даже прибрежная пыль.

Мужчина снова поднял взгляд Ване в глаза и наконец кивнул головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.